

Марк Твен

Янки из Коннектикута при дворе короля Артура

Перевод с английского
Николая Чуковского

ФТМ

Марк Твен

**Янки из Коннектикута
при дворе короля Артура**

«ФТМ»

1889

Твен М.

Янки из Коннектикута при дворе короля Артура / М. Твен —
«ФТМ», 1889

ISBN 978-5-4467-0834-5

Роман Марка Твена «Янки при дворе короля Артура» может быть с полным правом поставлен в один ряд с лучшими произведениями писателя. Эта необычная книга сочетает в себе фантастику, пародию и жизнерадостный юмор. Марк Твен просто не умел писать скучно, чему данный роман и служит прекрасным доказательством.

ISBN 978-5-4467-0834-5

© Твен М., 1889

© ФТМ, 1889

Содержание

Предисловие	5
Несколько пояснительных замечаний	6
...Как сэр Ланселот убил двух великанов и освободил замок	8
Рассказ незнакомца	10
Повесть	12
Глава I	12
Глава II	14
Глава III	17
Глава IV	20
Глава V	22
Глава VI	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Марк Твен

Янки из Коннектикута при дворе короля Артура

Предисловие

Грубые законы и обычаи, о которых говорится в этой повести, исторически вполне достоверны, и эпизоды, их поясняющие, тоже вполне соответствуют тому, что нам рассказывает история. Автор не берется утверждать, что все эти законы и обычаи существовали в Англии именно в шестом веке; нет, он только утверждает, что раз они существовали в Англии и в других странах в более позднее время, то можно предположить, не опасаясь стать клеветником, что они существовали уже и в шестом веке. У нас есть все основания считать, что если описанный здесь закон или обычай не существовал в те отдаленные времена, его с избытком заменял другой закон или обычай, еще более скверный.

Вопрос о том, существует ли в действительности такая вещь, которую называют божественным правом королей, в этой книге не затронут. Он оказался слишком сложным. Очевидно и бесспорно, что главой исполнительной власти в государстве должен быть человек высокой души и выдающихся способностей; столь же очевидно и бесспорно, что один только бог может, не опасаясь ошибиться, избрать такого человека; отсюда с очевидностью и бесспорностью следует, что избрание его нужно предоставить богу; и это размышление приводит к неизбежному выводу, что главу исполнительной власти всегда избирает бог. Так по крайней мере казалось автору этой книги до тех пор, пока он не натолкнулся на таких представителей исполнительной власти, как мадам Помпадур,¹ леди Кастлмен и прочие в том же роде; их до такой степени трудно было зачислить в разряд божьих избранников, что автор решил эту книгу (которая должна выйти к осени) посвятить другим вопросам, а потом, накопив побольше опыта, приналежь и вопрос о наследственном праве королей разрешить в следующей книге. Вопрос этот должен быть разрешен во что бы то ни стало, а зимой мне, кстати, делать будет нечего.

Марк Твен

¹ Мадам Помпадур – Жанна-Антуанетта Пуассон маркиза Помпадур (1721–1764), фаворитка французского короля Людовика XV. Леди Кастлмен – урожденная Барбара Вилльерс, фаворитка английского короля Карла II (1630–1685). Обе пользовались большим политическим влиянием и вмешивались в государственные дела.

Несколько пояснительных замечаний

С забавным незнакомцем, о котором я собираюсь рассказать, я встретился в Варвикском замке.² Он мне понравился тремя своими свойствами: искренним простодушием, изумительным знанием старинного оружия и еще тем, что в его присутствии можно было чувствовать себя совершенно спокойно, так как все время говорил он один. Благодаря своей скромности мы очутились с ним в самом хвосте людского стада, которое водили по замку, и он сразу же стал рассказывать мне в высшей степени любопытные вещи. Его речи, мягкие, приятные, плавные, казалось, незаметно уносили из нашего мира и нашего времени в какую-то отдаленную эру, в старую, позабытую страну; он постепенно так околдовал меня, что мне стало чудиться, будто меня окружают возникшие из праха призраки древности и будто я беседую с одним из них! О сэре Бедивере, о сэре Борее де Ганисе, о сэре Ланселоте Озерном, о сэре Галахаде и о других славных рыцарях Круглого Стола он говорил совершенно так же, как я говорил бы о своих ближайших личных друзьях, врагах или соседях; и каким старым-престарым, невыразимо старым, и выцветшим, и высохшим, и древним показался мне он сам! Внезапно он повернулся ко мне и сказал так просто, как говорят о погоде и самых обыкновенных вещах:

– Вы, конечно, слышали о переселении душ. А вот случалось ли вам слышать о перенесении тел из одной эпохи в другую?

Я ответил, что не случалось. Он не обратил на мой ответ никакого внимания, как будто бы и в самом деле разговор шел о погоде. Наступило молчание, которое сразу же нарушил скудный голос наемного проводника:

– Древняя кольчуга шестого века, времен короля Артура и Круглого Стола,³ по преданию, принадлежала рыцарю сэру Саграмору Желанному; обратите внимание на круглое отверстие между петлями кольчуги с левой стороны груди; происхождение этого отверстия неизвестно, предполагают, что это след пули. Очевидно, кольчуга была пробита после изобретения огнестрельного оружия. Быть может, в нее выстрелил из озорства какой-нибудь солдат Кромвеля.⁴

Мой знакомый улыбнулся; улыбка у него была какая-то странная, – так, быть может, улыбались много сотен лет назад, – и пробормотал про себя:

– Что скрывать! Я-то знаю, как была пробита эта кольчуга. – Затем, помолчав, прибавил: – Я сам ее пробил.

Я вздрогнул от изумления, как от электрического тока. Когда я пришел в себя, его уже не было.

Весь вечер я просидел у камина в Варвик-Армсе; за окнами стучал дождь и выл ветер. Время от времени я заглядывал в старинную очаровательную книгу сэра Томаса Мэлори,⁵ пол-

² *Варвикский замок* выстроен в XI в., при короле Вильгельме Завоевателе, и расположен в живописном месте недалеко от Лондона.

³ ...*времен короля Артура и Круглого Стола*. – В рыцарских романах XII–XIII вв. большое место занимают переработанные в духе феодальной идеологии кельтские народные сказания о легендарном короле Артуре, вожде бриттов в V–VI вв., который защищал от англосаксов еще не захваченные ими земли Англии. В рыцарских романах король Артур изображен могущественным властелином всей Британии и половины Европы, при его дворе собирается цвет рыцарства и царит культ благородной отваги и любви. Ради личной славы либо ради дамы сердца король и его рыцари совершают фантастические подвиги, которые и составляют сюжет «романов Круглого Стола», названных так потому, что король Артур велел якобы соорудить круглый стол для придворных пиршеств, за которым все рыцари чувствуют себя равными.

⁴ *Кромвель* Оливер (1599–1658) – один из крупнейших деятелей английской буржуазной революции середины XVII в. Будучи фактическим руководителем парламентской «новой армии», он разбил войска короля Карла I и после установления республики был избран в ее исполнительный совет. Выступая с позиций крупной буржуазии, Кромвель подавлял демократическое движение левеллеров («уравнителей»), жестоко расправился с национально-освободительным движением в Ирландии и Шотландии и к 1653 г., опираясь на буржуазную армию, стал фактическим диктатором Англии под именем лорда-протектора.

⁵ *Томас Мэлори* – английский рыцарь XV в., автор книги «Смерть Артура» (1485), представляющей собою компиляцию и перевод на английский язык главнейших французских рыцарских романов Круглого Стола. Помещенный в книге Твена

ную чудес и приключений, вдыхал ароматы позабытых столетий и опять погружался в думы. Была уже полночь, когда я прочел на сон грядущий еще один рассказ – о том...

рассказ о том, «Как сэр Ланселот убил двух великанов и освободил замок», представляет точное воспроизведение главы из книги Мэлори.

...Как сэр Ланселот убил двух великанов и освободил замок

«...Вдруг появились пред ним два огромных великана, закованных в железо до самой шеи, с двумя страшными дубинами в руках. Сэр Ланселот⁶ прикрылся щитом, отразил нападение одного из великанов и ударом меча раскроил ему голову. Другой великан, сие увидев и опасаясь страшных ударов меча, кинулся бежать как безумный, а сэр Ланселот помчался за ним во весь дух, ударил его по плечу и разрубил пополам. И сэр Ланселот вступил в замок, и навстречу ему вышли трижды двенадцать дам и дев, и пали пред ним на колени, и возблагодарили господа и его за свое освобождение. «Ибо, сэр, – сказали они, – мы томимся здесь в заточении уже целых семь лет и вышиваем шелками, чтобы снискать себе пропитание, а между тем мы благороднорожденные женщины. И да будет благословен тот час, в который ты, рыцарь, родился, ибо ты более достоин почестей, чем любой другой рыцарь во вселенной, и должен быть прославлен; и мы умоляем тебя назвать свое имя, чтобы мы могли поведать своим друзьям, кто освободил нас из заточения». – «Прелестные девы, – сказал он, – меня зовут сэр Ланселот Озерный». И он покинул их, поручив их богу. И он сел на коня и посетил многие чудесные и дикие страны и проехал через многие воды и доли, но нигде не был он принят подобающим ему образом. Наконец однажды, к вечеру, ему случилось приехать в прекрасную усадьбу, и там его встретила старая женщина благородного происхождения, которая оказала ему должный прием и позаботилась о нем и о его коне. И когда настало время, хозяйка отвела его в красивую башню над воротами, где для него было приготовлено удобное ложе. И сэр Ланселот снял свои латы, положил свое оружие рядом, лег в постель и сразу уснул. И вот вскоре подъехал всадник и стал торопливо стучаться в ворота. И сэр Ланселот, услышав стук, вскочил и глянул в окно и при свете луны увидел невдалеке трех рыцарей, которые, прищпорив коней, догоняли стучавшего в ворота. Приблизившись, они замахнулись на него мечами, а тот повернулся к ним и, как подобает рыцарю, защищался. «Поистине, – сказал сэр Ланселот, – я должен помочь сему рыцарю, который один сражается против трех, ибо, если его убьют, я буду виновен в его смерти и позор падет на меня». И он надел на себя латы и по простыне спустился из окна к четырем рыцарям и громким голосом прокричал: «Эй, рыцари, сражайтесь со мною и не троньте этого рыцаря!» Тогда они все трое оставили сэра Кэя и набросились на сэра Ланселота, и началась великая битва, ибо рыцари спешили и стали наносить сэру Ланселоту удары со всех сторон. Тогда сэр Кэй⁷ вышел вперед, чтобы помочь сэру Ланселоту. «Нет, сэр, – сказал тот, – мне не нужна ваша помощь, вы можете помочь мне только тем, что оставите меня наедине с ними». Сэр Кэй, к удовольствию рыцаря, вынужден был согласиться и отошел в сторону. И сэр Ланселот шестью ударами поверг их на землю.

Тогда они все трое взмолились: «Сэр рыцарь, мы покоряемся тебе, ибо нет тебе равного по силе!» – «Я не нуждаюсь в вашей покорности, – ответил сэр Ланселот, – вы должны покориться не мне, а сэру Кэю, сенешалю. Если вы согласны покориться ему, я дарую вам жизнь; если не согласны, я убью вас». – «Прекрасный рыцарь, – возразили они, – мы не хотим лишаться своей чести, ибо сэра Кэя мы преследовали до самых ворот замка, и мы одолели бы его, если бы не ты; зачем же нам ему покоряться?» – «Как хотите, – сказал сэр Ланселот, – вам предстоит сделать выбор между жизнью и смертью, а покориться вы можете только сэру

⁶ *Сэр Ланселот Озерный* – один из центральных персонажей рыцарских романов Артуровского цикла. Прозван Озерным потому, что, по преданию, воспитывался феей на дне озера. Ему приписывалось множество подвигов, совершенных в честь дамы его сердца, королевы Гиневры (супруги короля Артура).

⁷ *Сэр Кэй* – сенешаль, то есть управитель дворца короля Артура; комический персонаж, встречающийся во многих романах Круглого Стола; хвостун и неудачник, строящий козни другим рыцарям и неизменно оказывающийся посрамленным.

Кэю». – «Прекрасный рыцарь, – сказали они тогда, – чтобы спасти жизнь, мы поступим так, как ты нам повелеваешь». – «В ближайший троицын день, – сказал сэр Ланселот, – вы должны явиться ко двору короля Артура, изъявить свою покорность королеве Гиневре, препоручить себя ее милосердию и сказать ей, что вас прислал к ней сэр Кэй и повелел вам стать ее пленниками». Наутро сэр Ланселот проснулся рано, а сэр Кэй еще спал; и сэр Ланселот взял латы сэра Кэя, и его щит, и его оружие, пошел в конюшню, сел на его коня и, простившись с хозяйкой, уехал. Вскоре проснулся сэр Кэй и не нашел сэра Ланселота, и заметил, что тот унес его оружие и увел его коня. «Клянусь, многим из рыцарей короля Артура придется испытать немало горя, ибо, введенные в заблуждение моими доспехами, они будут храбро нападать на сэра Ланселота, принимая его за меня. Я же, надев его латы и прикрываясь его щитом, доеду в полной безопасности». И, поблагодарив хозяйку, сэр Кэй отправился в путь...»

Не успел я отложить книгу, как в дверь постучали, и вошел мой давешний незнакомец. Я предложил ему трубку и кресло и принял его как мог любезнее. Я налил ему стакан горячего шотландского виски, налил ему еще стакан, потом еще, надеясь услышать его историю. После четвертого стакана он заговорил сам, просто и естественно.

Рассказ незнакомца

Я американец. Родился я и вырос в Хартфорде, в штате Коннектикут,⁸ сразу за рекой, в пригороде. Я янки из янки и, как подобает настоящему янки, человек практичный; всякой чувствительности, говоря иначе – поэзии, я чужд. Отец мой был кузнец, мой дядя – ветеринар, и сам я в юности был и кузнецом и ветеринаром. Потом я поступил на оружейный завод и изучил мое теперешнее ремесло, изучил его в совершенстве: научился делать все – ружья, револьверы, пушки, паровые котлы, паровозы, станки. Я умел сделать все, что только может понадобиться, любую вещь на свете; если не существовало новейшего способа изготовить какую-нибудь вещь быстро, я сам изобретал такой способ, и это мне ровно ничего не стоило. В конце концов меня назначили старшим мастером: две тысячи человек работали под моим надзором.

На такой должности надо быть человеком боевым – это само собой понятно. Если под вашим надзором две тысячи головорезов, развлечений у вас будет немало. У меня, во всяком случае, их было достаточно. И в конце концов я нарвался и получил то, что мне причиталось. Вышло у меня недоразумение с одним молодцом, которого мы прозвали Геркулесом. Он так хватил меня по голове, что череп затрещал, а все швы на нем разошлись и перепутались. Весь мир заволокла тьма, и я долго ничего не сознавал и не чувствовал.

Когда я очнулся, я сидел под дубом на траве, в прелестной местности, совершенно один. Впрочем, не совсем так: рядом находился еще какой-то молодец, он сидел верхом на лошади и смотрел на меня сверху вниз, – таких я видывал только в книжках с картинками. Весь он с головы до пят был покрыт старинной железной броней, голова его находилась внутри шлема, похожего на железный бочонок с прорезями; он держал щит, меч и длинное копье; лошадь его тоже была в броне, на лбу у нее торчал стальной рог, и пышная, красная с зеленым, шелковая попона свисала, как одеяло, почти до земли.

– Прекрасный сэръ, вы готовы? – спросил этот детина.

– Готов? К чему готов?

– Готовы сразиться со мной из-за поместий, или из-за дамы, или...

– Что вы ко мне пристаёте? – сказал я. – Убирайтесь к себе в цирк, а не то я отправлю вас в полицию.

Что же он тогда, по-вашему, сделал? Он отъехал ярдов на двести и поскакал во весь опор прямо на меня, склонив свой железный бочонок к шее лошади и выставив свое длинное копье вперед. Я увидел, что он не шутит, и когда он доскакал до меня, я был уже на дереве. Тогда он объявил, что я его собственность, пленник его копья. Доводы его показались мне весьма убедительными, и так как на его стороне были все преимущества, я решил не возражать ему. Мы заключили соглашение: я пойду с ним, куда он прикажет, а он не будет меня обижать. Я слез с дерева, и мы отправились в путь; я шагал рядом с его конем. Мы двигались с ним, не торопясь, через поля и ручьи, и я очень удивлялся, что никогда прежде этих полей и ручьев не видал; сколько я ни вглядывался, никакого цирка я так и не увидел. Наконец я перестал думать о цирке и решил, что незнакомец сбежал из сумасшедшего дома. Но и сумасшедшего дома не было видно, и я стал в тупик. Я спросил его, далеко ли мы от Хартфорда. Он ответил, что никогда не слышал такого названия; я решил, что он врет, но пререкаться с ним не хотел. Через час мы заметили вдали город, лежавший в долине, на берегу извилистой реки, а над городом, на холме, стояла большая серая крепость с башнями и бастионами, – впервые в жизни я увидел такую крепость наяву.

⁸ *Штат Коннектикут* во времена Твена был одним из наиболее промышленно развитых районов США, а *Хартфорд* (где писатель жил с 70-х гг.), главный город штата, – промышленным центром.

- Бриджпорт?⁹ – спросил я, указав рукой на город.
- Камелот,¹⁰ – сказал он.

Моему незнакомцу, видимо, очень хотелось спать. Он сам несколько раз ловил себя на том, что клюет носом, и наконец, улыбнувшись своей трогательной старомодной улыбкой, сказал:

– Я больше не в силах рассказывать. Идемте ко мне, у меня все записано; я дам вам свои записи – если хотите, можете прочесть их.

Когда мы вошли к нему в комнату, он проговорил:

– Вначале я вел дневник, а потом много лет спустя переработал его в книгу. О, как давно это было!

Он вручил мне рукопись и указал место, с которого я должен был начать чтение.

– Начните отсюда, – все, что случилось прежде, я вам уже рассказал.

Он совсем засыпал. Направляясь к двери, я услышал, как он сонно пробормотал:

– Доброй ночи, прекрасный сэр.

Я сел у камина и принялся разглядывать свое сокровище. Первая и большая часть записей была сделана на пергаменте, пожелтевшем от времени. Я тщательно изучил один листок и убедился, что это палимпсест.¹¹ Из-под неразборчивых древних строк, написанных историком-янки, выступали следы других строк, еще менее разборчивых и еще более древних, – латинские слова и фразы, вероятно, отрывки древних монашеских сказаний. Я перелистал рукопись до места, указанного мне незнакомцем, и стал читать...

Вот что я прочел:

⁹ *Бриджпорт* – приморский городок в штате Коннектикут, недалеко от Хартфорда.

¹⁰ *Камелот* – по романам Круглого Стола, одна из резиденций короля Артура.

¹¹ *Палимпсест* – так называются древние рукописи на пергаменте, первоначальный текст которых был стерт и заменен новым, с целью экономии дорогостоящего материала для письма (пергамент изготовлялся из кожи).

Повесть О пропавшей стране

Глава I

– Камелот... Камелот... – говорил я себе. – Нет, никогда не слышал я такого названия. Вероятно, так называется сумасшедший дом.

Местность вокруг нас, спокойная и мирная, была прелестна, как мечта, и совершенно пустынна. Воздух был полон аромата цветов, жужжания насекомых, пения птиц, но нигде не было видно ни людей, ни повозок. Дорога, по которой мы двигались, была, в сущности, узкой извилистой тропкой с отпечатками копыт и кое-где по бокам со следами колес на примятой траве – колес с ободьями шириной в ладонь.

Внезапно мы повстречали хорошенькую девочку лет десяти, с золотыми волосами, струившимися по плечам. На голове у нее был венок из огненно-красных маков. Приятно было на нее поглядеть, так шел ей этот венок. Она брела не торопясь, и на невинном ее личике отражалось спокойствие души. Мой спутник не обратил на нее никакого внимания, наверное, даже не заметил ее. А она? Она несколько не удивилась его фантастическому наряду, словно ежедневно встречала людей в латах. Она прошла мимо него так же равнодушно, как прошла бы мимо коровы. Но что стало с ней, когда она увидела меня! Она подняла руки и окаменела от удивления, рот ее раскрылся, глаза испуганно расширились; вся она была воплощением любопытства, смешанного со страхом. Так она и стояла, глядя на меня, словно прикованная, пока мы не скрылись за поворотом лесной дороги. И я никак не мог понять, почему ее поразил я, а не мой спутник. И почему именно меня она считала необычайным зрелищем, а не себя, и почему глазела на меня с таким отсутствием великодушия, удивительным в существе столь юном. Тут было над чем призадуматься. Я шел как во сне.

Чем ближе мы подходили к городу, тем оживленнее становилось вокруг. Мы проходили то мимо какой-нибудь ветхой лачуги с соломенной крышей, то мимо небольших полей или садов, очень дурно возделанных. Попадались нам и люди – похожие на рабочий скот здоровяки с длинными жесткими нечесаными волосами, падавшими им прямо на лицо. И мужчины, и женщины были одеты в домотканые рубахи, спускавшиеся ниже колен, на ногах у них была грубая обувь, похожая на сандалии. У многих я видел на шее железный ошейник. Маленькие мальчики и девочки ходили совсем голые; но никто, казалось, этого не замечал. И все эти люди глазели на меня, говорили обо мне, кидались со всех ног в лачуги и вызывали оттуда родных – посмотреть на меня. Вид же моего спутника несколько их не удивлял; они ему смиренно кланялись, но он не отвечал на их поклоны.

В городе среди разбросанных в беспорядке лачуг с соломенными крышами стояло несколько больших каменных домов без окон; вместо улиц были кривые немощенные дорожки; полчища псов и голых ребятишек шумно играли на солнцепеке; свиньи рылись повсюду, – одна из них, вся облепленная грязью, разлеглась в огромной вонючей луже посреди главной улицы и кормила своих поросят. Внезапно издали донеслись звуки военной музыки. Звуки приближались, становились все громче, и я увидел кавалькаду всадников, которая казалась необычайно пышной благодаря султанам на шлемах, и сверканию лат, и колыханию знамен, и богатству одежд, и конским попонам, и золоченым остриям копий. Кавалькада торжественно двигалась по грязи среди свиней, голых ребятишек, веселых псов, ободранных лачуг, и мы последовали за нею. Мы шли в гору, все выше и выше, миновали одну грязную улочку, потом другую, пока наконец не взобрались на вершину холма, где было очень ветрено и где стоял огромный

замок. Протрубил рог; в замке тоже в ответ протрубил рог; начались переговоры; нам отвечали со стен, где под колышущимися знаменами с грубыми изображениями драконов расхаживали воины в шишаках и панцирях, с алебардами на плечах. Затем распахнулись огромные ворота, опустился подъемный мост, и предводитель кавалькады двинулся вперед, под суровые своды; и мы, следуя за ним, оказались на просторном мощеном дворе, огороженном башнями и башенками, со всех четырех сторон поднимавшимися в голубизну небес: вокруг нас раздавались учтивые приветствия, всадники слезали с коней, шла веселая суета, полная пестроты, беготни, веселой неразберихи и шума.

Глава II

Двор короля Артура

Улучив минуту, я ускользнул в сторонку, толкнул в плечо одного старичка, попроще на вид, и шепнул ему:

– Сделайте мне, друг, одолжение. Скажите, вы служите в этом сумасшедшем доме или просто пришли навестить кого-нибудь из родных?

Он тупо поглядел на меня и сказал:

– Прекрасный сэр...

– Довольно, – сказал я. – Вы, я вижу, тоже пациент.

Я отошел и, призадумавшись, стал поглядывать, не замечу ли где случайно прохожего в здравом уме, который мог бы что-нибудь мне объяснить. Наконец мне показалось, что я нашел такого. Я подошел к нему и шепнул ему на ухо:

– Как бы мне на минутку повидать старшего смотрителя? Только на одну минутку...

– Не препятствуй мне...

– Как вы сказали?

– Не мешай, если тебе это слово понятней.

Он объяснил, что он помощник повара и что у него сейчас нет времени на болтовню; потом он охотно со мной поболтает, так как ему до смерти хочется узнать, где я достал свою одежду. Тут он ткнул куда-то пальцем, сказав, что вот более подходящий для меня собеседник – у него много свободного времени, и к тому же он, без сомнения, меня ищет. Передо мною стоял тоненький мальчик в ярко-красных штанах, которые придавали ему сходство с раздвоенной на конце морковкой; верхняя его одежда была сшита из голубого шелка и кружев; на его длинных светлых кудрях сидела розовая атласная шапочка с пером, кокетливо сдвинутая на ухо. Судя по лицу, он был добряк, судя по походке – весьма доволен собой. Хорошенький мальчик – хоть вставляй в рамку! Он подошел ко мне, улыбнулся и, осмотрев меня с нескрываемым любопытством, сказал, что послан за мною и что он глава пажей.

– Какая ты глава, ты одна строчка! – сказал я ему.

Было это грубовато, но я рассердился. Впрочем, это не остановило его; он, кажется, даже не заметил, что я его обидел. Идя со мною рядом, он болтал и смеялся легкомысленно, радостно, по-мальчишески, и мы с ним сразу подружились; он задавал мне множество вопросов и обо мне, и о моей одежде, но ответов не дожидался, а продолжал болтать напропалую, забыв о том, что только что спрашивал; так он болтал до тех пор, пока нечаянно не выболтал, что родился в начале 513 года.

Я вздрогнул, остановился и спросил слабым голосом:

– Я, кажется, ослышался. Повтори... повтори медленно, отдельно... В каком году ты родился?

– В пятьсот тринадцатом.

– В пятьсот тринадцатом! Глядя на тебя, этого не скажешь! Послушай, мой мальчик, я здесь чужой, друзей у меня нет; будь со мною честен и правдив. Ты в своем уме?

Он ответил, что он в своем уме.

– И все эти люди тоже в своем уме?

Он ответил, что они тоже в своем уме.

– А разве здесь не сумасшедший дом? Я имею в виду заведение, где лечат сумасшедших.

Он ответил, что здесь не сумасшедший дом.

– Значит, – сказал я, – либо я сам сошел с ума, либо случилось что-то ужасное. Скажи мне честно и правдиво, где я нахожусь?

– При дворе короля Артура.

Я помолчал минуту, чтобы вполне усвоить смысл этих слов, затем спросил:

– Какой же, по-твоему, теперь год?

– Пятьсот двадцать восьмой, девятнадцатое июня.

У меня заныло сердце, и я пробормотал:

– Никогда больше не увижу я моих друзей, никогда, никогда. Им суждено родиться через тринадцать столетий с лишним.

Я почему-то поверил, что мальчик сказал мне правду, – сам не знаю почему. Я поверил ему сердцем, но разум мой верить отказывался. Мой разум восставал, и вполне естественно. Я не знал, как справиться со своим разумом; свидетельства других людей не могли бы мне помочь, – мой разум объявил бы этих людей безумными и не принял бы их доводов во внимание. И вдруг, по какому-то наитию, мне в голову пришла замечательная идея. Я знал, что единственное полное солнечное затмение в первой половине шестого века произошло 21 июня 528 года,¹² и началось оно ровно в три минуты после полудня. Знал я также, что астрономы не ожидали полного солнечного затмения в том году, который я считал текущим, то есть в 1879-м. Следовательно, если тревога и любопытство не сокрушат окончательно моего сердца за ближайшие сорок восемь часов, я буду иметь возможность с достоверностью установить, правда ли то, что сказал мне мальчик, или нет. А потому, будучи практичным коннектикутцем, я отложил разрешение всей этой загадки до намеченного дня и часа, перестал об этом думать и сосредоточил все свое внимание на обстоятельствах данной минуты, чтобы использовать их по возможности выгоднее. «Приберегай козыри!» – вот мой девиз, но уж ходить так ходить, хотя бы у тебя на руках ничего, кроме двоек и валета, не было. Я принял два решения: если сейчас все-таки девятнадцатый век, и я нахожусь среди сумасшедших, и мне отсюда не выбраться, – я не я буду, если не стану хозяином этого сумасшедшего дома; если же, напротив, сейчас действительно шестой век, так тем лучше, – я через три месяца буду хозяином всей страны: ведь я самый образованный человек во всем королевстве, так как родился на тринадцать веков позже их всех. Я не из тех людей, которые, приняв решение, теряют время; и я сказал пажу:

– Послушай, Кларенс, мой мальчик, если я верно угадал твое имя, введи меня, пожалуйста, в курс дела. Как зовут того, который привел меня сюда?

– Моего и твоего господина? Это славный рыцарь и благородный лорд сэр Кэй, сенешаль, молочный брат нашего повелителя, короля.

– Хорошо, продолжай, расскажи мне все, что ты о нем знаешь.

Он рассказывал долго. Но вот что в его рассказе касалось меня непосредственно. По его словам, я был пленником сэра Кэя, и, согласно обычаю, меня заточат в темницу и будут держать там на воде и хлебе до тех пор, пока мои друзья не выкупят меня, если я сам прежде не сдохну. Я видел, что у меня гораздо больше шансов сдохнуть, чем быть выкупленным, но не стал расстраиваться, чтобы не терять даром драгоценного времени. Паж сказал далее, что обед в большом зале уже подходит к концу и что, чуть только начнется беседа и попойка, сэр Кэй повелит позвать меня, покажет королю Артуру и его славным рыцарям, сидящим за Круглым Столом, и начнет хвастать подвигом, который он совершил, захватив меня в плен; при этом он, по всей вероятности, будет немножко преувеличивать, но мне не следует поправлять его: это неучтиво, да и небезопасно; а когда на меня вдоволь насмотрятся – марш в темницу; но он, Кларенс, непременно найдет способ навещать меня время от времени и постарается передать весточку моим друзьям.

Передать весточку моим друзьям! Я поблагодарил его; мне ничего другого не оставалось. Тут к нам подошел лакей и сказал, что меня зовут; Кларенс ввел меня в замок, усадил и сам сел рядом со мной.

¹² ...солнечное затмение...произошло 21 июня 528 года. – В 528 г. действительно происходило солнечное затмение (четыре раза за один год), но не в тот день, который указан в романе.

Я увидел зрелище забавное и прелюбопытное. Огромный зал с почти голыми стенами, в котором все было полно кричащих противоречий. Он был очень, очень высок, этот зал, так высок, что в сумраке, сгустившемся наверху, едва можно было различить знамена, свешивавшиеся со сводчатых балок и брусьев потолка; по обоим концам зала были высокие галереи, огороженные каменными перилами, – на одной сидели музыканты, а на другой женщины, разодетые с ослепительной яркостью. Пол был вымощен большими каменными плитами, истоптанными, щербатыми и нуждавшимися в замене. Украшений, говоря по правде, не было никаких; впрочем, по стенам висели большие ковры, которые, вероятно, считались произведениями искусства; на них были изображены битвы, но кони напоминали тех, которых лепят из пряничного теста или которых дети вырезают из бумаги, а люди были покрыты чешуйчатой броней, причем чешуйки заменялись круглыми дырочками, так что казалось, будто по всей кольчуге прошла вилка, которой накалывают печенье. В зале был камин, такой огромный, что в нем мог расположиться целый лагерь; обрамленный колоннами из резного камня, он был похож на врата собора. Вдоль стен стояли воины в панцирях и шишаках; они держали в руках алебарды, никакого другого оружия у них не было; они стояли так неподвижно, что их можно было принять за статуи.

Посреди этой крытой и мощеной рыночной площади стоял дубовый стол, который называли Круглым Столом. Он был обширен, как цирковая арена; вокруг него сидело множество мужчин в таких пестрых и ярких одеждах, что глазам было больно смотреть на них. На головах у них были шляпы с перьями; они приподнимали эти шляпы только тогда, когда обращались к самому королю.

Большинство было занято выпивкой – они пили из цельных бычьих рогов; некоторые жевали хлеб или глодали бычьи кости. На каждого человека приходилось не менее двух псов; псы сидели выжидая, и когда кто-нибудь швырял им кость, разом кидались к ней целыми бригадами и дивизиями; начинался бой – головы, туловища, мелькающие хвосты смешивались в беспорядочную кучу, поднимался такой неистовый вой и лай, что всякий разговор приходилось прекращать, но на это никто не жаловался, потому что собачьи драки были интереснее любого разговора; мужчины порой вскакивали, чтобы лучше видеть, и бились об заклад, которая собака победит, а дамы и музыканты перегибались через перила; и со всех сторон раздавались восторженные восклицания. В конце концов пес-победитель удобно вытягивался на полу рядом с полусотней других победителей, держа в лапах кость, и с ворчаньем грыз ее, пачкая пол, а придворные принимались за прежние свои занятия и развлечения.

В общем, речи и манеры этих людей были изящны и учтивы; и, насколько я мог заметить, они в промежутках между собачьими драками выслушивали своих собеседников дружелюбно и внимательно. Притом они были по-детски простодушны; каждый из них чудовищно врал, с обезоруживающей наивностью, и охотно слушал, как врут другие, всему веря. Представление о жестоком и страшном не вязалось с ними; а между тем они с таким искренним упоением рассказывали о крови и муках, что я даже перестал содрогаться.

Я был не единственным пленником в зале. Кроме меня, было еще человек двадцать, а может быть, и больше. Многие из этих несчастных были изувечены, исцарапаны, изранены самым страшным образом; их волосы, их лица, их одежда были выпачканы засохшей черной кровью. Они, безусловно, очень страдали от усталости, голода и жажды; и никто не дал им умыться, никто не позаботился из простого милосердия об их ранах; однако сколько бы вы ни слушали, вы не слышали бы от них ни одного стога, сколько бы вы ни смотрели, вы не заметили бы никакого беспокойства, никакого желания пожаловаться. И я невольно подумал: «Они, как видно, сами в свое время так же обращались с другими; и теперь, когда настала их очередь, они ничего лучшего не ждут. Следовательно, их философское смирение вовсе не результат мысли, самообладания, силы ума; они терпеливы, как животные; они попросту белые индейцы».

Глава III

Беседы за Круглым Столом были, в сущности, монологами. Рыцари рассказывали друг другу, как они захватывали пленных, убивали их друзей и сторонников и завладевали их конями и оружием. Насколько я мог судить, эти убийства совершались не из мести за обиду, не из старой вражды, не из-за внезапных ссор; нет, это по большей части были поединки между незнакомыми людьми, между людьми, которые не были даже представлены друг другу и не сделали друг другу ничего дурного. Не раз случалось мне видеть, как два мальчика, незнакомые и случайно встретившиеся, говорили в один голос: «Вот я тебе задам!» – и принимались драться; но до сих пор я полагал, что так поступают только дети и что это свойственно исключительно детскому возрасту; однако эти большие дети поступали точно так же и гордились своими поступками, несмотря на свой почтенный возраст. И все-таки в этих больших простодушных существах было что-то милое и привлекательное. Правда, мозгов в этой огромной детской не хватило бы и на то, чтобы насадить их на рыболовный крючок для приманки; но мозги в подобном обществе и не нужны, – напротив, они только мешали бы и всех стесняли, лишили бы это общество его законченности, и, пожалуй, сделали бы невозможным самое его существование.

Почти у всех были приятные и мужественные лица; многие из этих рыцарей держались с таким достоинством и такой учтивостью, что всякая критика невольно должна была бы умолкнуть. Особенной добротой и чистотой дышало лицо того, кого они называли сэром Галахадом, и лицо короля; а в огромном теле и в горделивой осанке сэра Ланселота Озерного было много настоящего величия.

Внезапно случилось происшествие, которое привлекло к сэру Ланселоту всеобщее внимание. По знаку какого-то человека, по-видимому, церемониймейстера, шесть или восемь пленников выступили вперед, упали на колени, подняли руки к галерее, на которой сидели дамы, и принялись просить о позволении молвить слово королеве. Дама, сидевшая на самом видном месте в этом цветнике женской красоты и изысканности, наклонила голову в знак согласия. Тогда один из пленников от лица всех заявил, что он предает себя и всех своих товарищей в руки королевы, предоставляя ей право помиловать их, или потребовать за них выкуп, или заточить их в темницу, или предать их смерти, – как она пожелает; далее он заявил, что обращается к ней по повелению сэра Кэя, сенешаля, который всех их взял в плен, победив в честном бою.

Изумление появилось на всех лицах; благодарная улыбка исчезла с лица королевы, – услышав имя сэра Кэя, она была явно разочарована; и паж с язвительнейшей насмешкой шепнул мне на ухо:

– Сэр Кэй, как же! Так я и поверю! Можете назвать меня девчонкой, милые мои, или морской крысой! Людям придется две тысячи лет ломать себе головы, чтобы придумать еще одну такую же чудовищную выдумку.

Все глаза испытующе и строго устремились на сэра Кэя. Но он оказался на высоте. Он встал и величаво взмахнул рукой. Он объявил, что сейчас расскажет все, как было, придерживаясь только фактов; он расскажет истинную правду, без всяких добавлений.

– И тогда, – сказал он, – вы воздадите честь и хвалу сидящему здесь могущественнейшему из героев, когда-либо носивших щит и сражавшихся мечом в рядах христианских воинств!

И он указал рукой на сэра Ланселота. Это было здорово придумано, он поразил всех. Затем он рассказал, как сэр Ланселот в поисках приключений убил семерых великанов одним взмахом своего меча и освободил сто сорок томившихся в плену дев; как он двинулся дальше, навстречу новым приключениям, и увидел его (сэра Кэя) в неравном бою с девятью инозем-

ными рыцарями; как сэр Ланселот один вызвал их на бой и победил всех девятих; как следующей ночью сэр Ланселот встал потихоньку, надел латы сэра Кэя, взял коня сэра Кэя и поехал на том коне в дальние страны и в одном бою победил шестнадцать рыцарей, а в другом бою – тридцать четыре; и как всех побежденных, и этих, и прежних, он заставил поклясться, что в троицын день они явятся ко двору Артура и предадут себя в руки королевы Гиневры, назвав себя пленниками сэра Кэя, сенешаля, и добычей его рыцарской доблести; и вот полдюжины уже явились, а остальные явятся, чуть только излечатся от своих жестоких ран.

Трогательно было видеть, как улыбалась и краснела королева, как смущена и счастлива была она и как бросала украдкой на сэра Ланселота такие взгляды, что, будь это в Арканзасе,¹³ его сразу бы застрелили.

Все восхваляли доблесть и великодушие сэра Ланселота; а я дивился тому, каким образом один человек может победить и взять в плен столько опытных воинов. Я высказал свое недоумение Кларенсу, но этот ветреный насмешник ответил:

– Если бы сэр Кэй успел влить в себя еще один мех кислого вина, побежденных было бы вдвое больше.

Внезапно по лицу мальчика пробежало облако такого глубокого уныния, что мне стало жаль его. Я глянул туда, куда глядел он, и заметил очень старого белобородого человека в развевающемся черном одеянии, который, стоя перед столом на нетвердых ногах и слабо покачивая дряхлой головой, обводил присутствующих мутным, блуждающим взором. На всех лицах появилось то же страдальческое выражение, что и на лице пажа, – предчувствие мучений, на которые нельзя даже пожаловаться.

– Господи, опять! – вздохнул мальчик. – Опять он теми же самыми словами расскажет ту же самую древнюю скучную историю, которую он уже так часто рассказывал и которую он будет рассказывать до самой смерти всякий раз, когда от кружки вина у него заработает воображение. Почему я не умер и дожил до этого дня!

– Кто он?

– Мерлин, могущественный чародей и великий лжец.¹⁴ Пропади он пропадом! Он так надоел нам своей единственной сказкой! Все боятся его, потому что он повелевает бурями и молниями, и дьяволы ада послушны ему, – а то мы давно выпустили бы ему кишки, чтобы покончить с его сказкой. Он всегда рассказывает ее в третьем лице, чтобы сделать вид, будто он так скромн, что не хочет прославлять самого себя. Да будь он проклят! Да разразит его гром! Разбудите меня, пожалуйста, когда он кончит.

Мальчик опустил голову ко мне на плечо и притворился спящим. Старик начал свой рассказ; и сразу же мальчик заснул по-настоящему; заснули псы, заснули придворные, заснули лакеи и воины. Однообразно звучал скучный голос, со всех сторон доносился мерный храп, словно приглушенный аккомпанемент духовых инструментов. Кто сидел, опустив голову на руки; кто откинулся назад и храпел, широко раскрыв рот; мухи жужжали и кусались – их перестали отгонять; из сотен нор вылезли крысы и бегали повсюду, чувствуя себя как дома; одна из них, словно белка, взобралась на голову короля; в лапках она держала кусочек сыру и грызла его, с простодушным бесстыдством посыпая лицо короля крошками. Это была мирная сцена, успокоительная для усталого зора и измученной души.

Вот что рассказывал старик:

– ...Итак, король и Мерлин отправились в путь и приехали к отшельнику, который был добрым человеком и великим знахарем. Отшельник осмотрел раны короля и дал ему славные снадобья; и король прожил там три дня, и раны его исцелились; и они двинулись в путь. И в

¹³ *Арканзас* – один из южных штатов США, где с рабовладельческих времен процветали дикие нравы, произвол и кулачная расправа.

¹⁴ *Мерлин, могущественный чародей и великий лжец.* – Волшебник Мерлин, чародей, мудрец и пророк, участвует почти во всех романах Круглого Стола.

пути Артур сказал: «У меня нет меча». – «Не беда, – сказал Мерлин, – я добуду тебе меч». Они доехали до большого, глубокого озера; и видит Артур: из озера, на самой его середине, поднялась рука в белом парчовом рукаве, и в руке той – меч. «Вот, – сказал Мерлин, – тот меч, о котором я говорил тебе». Они увидели деву, которая шла по берегу озера. «Что это за дева?» – спросил Артур. «Это владычица озера, – сказал Мерлин. – Посреди озера есть скала, на которой стоит замок – самый прекрасный замок на всей земле; сейчас эта дева приблизится к тебе, и, если ты будешь говорить с ней учтиво, она даст тебе тот меч». И дева подошла к Артуру и приветствовала его, и он ее тоже. «Дева, – сказал Артур, – чей это меч держит рука над водою? Я хотел бы, чтобы он стал моим, ибо у меня нет меча». – «Сэр Артур, король, – сказала дева, – это мой меч, и, если ты дашь мне в дар то, что я у тебя попрошу, этот меч станет твоим». – «Клянусь, – сказал Артур, – я подарю тебе все, что ты попросишь». – «Хорошо, – сказала дева, – садись в ту лодку, гребь к мечу и возьми его вместе с ножнами, а я явлюсь к тебе за обещанным даром, когда придет время». Сэр Артур и Мерлин слезли с коней, привязали их к двум деревьям, сели в лодку и поплыли к руке, державшей меч; и сэр Артур схватил меч за рукоять и вырвал его. И рука скрылась под водой, а они вернулись на сушу и поехали дальше. И сэр Артур увидел роскошный шатер. «Чей это шатер?» – «Это шатер сэра Пеллинора, – сказал Мерлин, – рыцаря, с которым ты недавно сражался, но сейчас его нет в этом шатре; он отправился сражаться с твоим рыцарем, славным Эгглемом, и они бились долго, и Эгглем бежал, спасаясь от неминуемой смерти, и сэр Пеллинор гнал его до самого Карлиона, и мы сейчас встретимся с ним на большой дороге». – «Я рад этому, – сказал Артур, – теперь у меня есть меч, я вступлю в бой с этим рыцарем и отомщу ему». – «Сэр, ты не должен вступать с ним в бой, – сказал Мерлин, – ибо этот рыцарь сейчас утомлен битвой и долгой погоней и мало чести сразиться с ним; кроме того, этот рыцарь таков, что нет ему равного на свете; и вот тебе мой совет: не трогай его, дай ему проехать мимо, ибо вскоре он сослужит тебе хорошую службу, а когда он умрет, тебе будут служить его сыновья. Настанет день, когда ты будешь счастлив выдать за него свою сестру». – «Увидев его, я поступлю так, как ты мне советуешь», – сказал Артур. Сэр Артур осмотрел свой меч и остался им доволен. «Что тебе больше нравится, – сказал Мерлин, – меч или ножны?» – «Мне больше нравится меч», – сказал Артур. «Не мудр твой ответ, – сказал Мерлин, – ибо эти ножны в десять раз драгоценней меча; до тех пор пока на тебе эти ножны, тебя никто не ранит и ты не потеряешь ни капли крови; никогда не расставайся с этими ножнами». Возле Карлиона они встретили сэра Пеллинора; однако Мерлин сделал так, что Пеллинор не заметил Артура и проехал мимо, не сказав ни слова. «Удивляюсь, – проговорил Артур, – отчего этот рыцарь ничего не сказал!» – «Сэр, – ответил Мерлин, – он не видел тебя; ибо если бы он тебя видел, вы расстались бы не так легко». И они прибыли в Карлион, где веселились рыцари Артура. Слушая рассказ о приключениях своего короля, рыцари дивились тому, что король так охотно подвергает опасности свою королевскую жизнь. Но прославленные из них заявили, что приятно служить королю, который, подобно простым бедным рыцарям, странствует и ищет приключений.

Глава IV

Сэр Дайнадэн-Шутник

На мой взгляд, эта странная небылица была рассказана просто и прелестно; но я слушал ее впервые, а это совсем другое дело; она и остальным, без сомнения, нравилась, пока не надоела.

Сэр Дайнадэн-Шутник проснулся первым и разбудил остальных шуткой, которую нельзя было назвать слишком остроумной. Он привязал большой кувшин к хвосту пса и отпустил его; пес, обезумев от страха, широкими кругами помчался по комнате; остальные псы с воем и лаем устремились за ним, опрокидывая и ломая все, что попадалось, подняв невообразимый шум и грохот. Мужчины и женщины хохотали так, что слезы капали из глаз; многие попадали со стульев и в восторге катались по полу. Совсем как дети. Сэр Дайнадэн был столь горд своей выдумкой, что не мог удержаться и без конца надоедливо рассказывал, как пришла ему в голову эта бессмертная мысль; и, подобно всем шутникам такого сорта, он продолжал смеяться, когда кругом уже никто не смеялся. Он был так доволен собой, что решил произнести речь, разумеется, шуточную. Никогда в своей жизни я не слышал столько избитых шуток. Он острил хуже любого эстрадника, хуже любого циркового клоуна. Как грустно было сидеть тут за тринадцать сотен лет до своего рождения и снова слушать жалкие, плоские, изъеденные червями остроты, от которых меня уже корбило тринадцать столетий спустя, когда я был маленьким мальчиком. Я почти пришел к убеждению, что новую остроту выдумать невозможно. Все смеялись этим древним шуткам, но, что поделаешь, древним шуткам смеются всегда и везде, я уже заметил это много столетий спустя. Однако настоящий насмешник не смеялся, – я говорю о мальчике. Нет, он подтрунивал над шутником, – он всегда и над всем подтрунивал. Он говорил, что большинство шуток сэра Дайнадэна просто глупы, а остальные – настоящие окаменелости. Я сказал ему, что слово «окаменелость» в применении к остротам мне очень нравится; я убежден, что древние остроты следует классифицировать по геологическим периодам. Но мальчик не совсем понял мою шутку, потому что в те времена геология еще не была изобретена. Однако я записал это удачное сравнение в свою записную книжку, надеясь осчастливить им общество, если мне когда-нибудь удастся вернуться в девятнадцатый век. Не бросать же хороший товар только оттого, что рынок еще не созрел для него.

Снова поднялся сэр Кэй, и снова заработала его фабрика вранья, но на этот раз топливом был я. Тут уж мне стало не до шуток. Сэр Кэй рассказал, что он встретился со мною в далекой стране варваров, облаченных в такие же смешные одеяния, как мое, одеяния, созданные волшебством и обладающие свойством делать тех, кто их носит, неуязвимыми. Однако он уничтожил силу волшебства молитвой и в битве, длившейся три часа, убил тринадцать моих рыцарей, а меня самого взял в плен, пощадив мою жизнь, чтобы показать меня как достойное удивления чудо королю и его двору. При этом он все время лестно именовал меня то «громادным великаном», то «подпирающим небеса чудовищем», то «клыкастым и когтистым людоедом»; и все простодушно верили этой чепухе, и никто не смеялся, никто даже не замечал, сколь не соответствуют эти невероятные преувеличения моей скромной особе. Он говорил, что, пытаясь удрать от него, я вскочил на вершину дерева в двести локтей вышины, но он сбил меня оттуда камнем величиной с корову, причем переломал мне все кости, и затем взял с меня клятву, что я явлюсь ко двору короля Артура на суд. Кончил он тем, что приговорил меня к смерти. Казнь мою он назначил на полдень 21-го числа; при этом он был так равнодушен к моей участи, что даже зевнул, прежде чем назвал дату.

Я пришел в такое отчаяние, что даже не мог внимательно следить за спором о том, каким именно способом меня казнить; впрочем, многие вообще выражали сомнение, что меня удастся убить, ибо на мне заколдованная одежда. А между тем на мне был самый обыкновен-

ный костюм, купленный за пятнадцать долларов в лавчонке готового платья. При всем своем отчаянии я все-таки заметил одну подробность: эти знатнейшие в стране господа и дамы, собравшись вместе, произносили невзначай такие словечки, которые заставили бы покраснеть и дикого команчи.¹⁵ Сказать, что они выражались неделикатно, было бы слишком мягко. Однако я читал «Тома Джонса», и «Родерика Рэндома»,¹⁶ и другие книжки в том же роде и знал, что знатнейшие леди и джентльмены Англии еще столетие назад были столь же непристойны как в своих беседах, так и в своем поведении; только в нашем, девятнадцатом веке появились в Англии – да, пожалуй, и в Европе – первые настоящие леди и джентльмены. Что было бы, если бы сэр Вальтер Скотт, вместо того чтобы вкладывать свои собственные слова в уста своих героев, позволил им разговаривать так, как они разговаривали в действительности? Ревекка, и Айвенго, и нежная леди Ровена¹⁷ заговорили бы так, что смутили бы любого бродягу нашего времени. Впрочем, бессознательная грубость – не грубость. Приближенные короля Артура не сознавали, что они невоспитанны, а я был настолько тактичен, что не дал им этого заметить.

Моя заколдованная одежда так беспокоила их, что они почувствовали большое облегчение, когда старый Мерлин дал им совет, полный здравого смысла. Он спросил их, почему они, тупицы этакие, не хотят раздеть меня. Через полминуты я был гол, как кочерга! О боже, в этом обществе я оказался единственным человеком, которого смутила моя нагота. Все разглядывали и обсуждали меня с такой бесцеремонностью, словно я был кочан капусты. Королева Гиневра смотрела на меня с тем же простодушным любопытством, как и все остальные, и даже сказала, что никогда в жизни не видела таких ног, как у меня. Это был единственный комплимент, которого я удостоился, если подобное замечание можно назвать комплиментом.

В конце концов меня потащили в одну сторону, а мою заколдованную одежду – в другую. Я был брошен в темную и тесную камеру темницы, где должен был довольствоваться какими-то жалкими объедками вместо обеда, охапкой гнилой соломы вместо постели и множеством крыс вместо общества.

¹⁵ *Команчи* – одно из кочевых охотничьих племен североамериканских индейцев, ставшее жертвой территориальной экспансии США.

¹⁶ ...я читал «Тома Джонса» и «Родерика Рэндома»... – «История Тома Джонса, найденщика» – реалистический роман одного из крупнейших писателей английского буржуазного Просвещения XVIII в., Генри Филдинга (1707–1754). «Приключения Родерика Рэндома» – роман писателя того же направления, Тобайаса Смол-летта (1721–1771). В обоих романах дается широкая картина быта и нравов различных слоев английского общества XVIII в. и в неприглядном свете рисуются дворянство и буржуазия.

¹⁷ *Ревекка, и Айвенго, и нежная леди Ровена*... – Ревекка – дочь еврейского купца, Айвенго – английский рыцарь и Ровена – знатная дама – персонажи исторического романа Вальтера Скотта «Айвенго» (1820), действие которого происходит во второй половине XII в.

Глава V

Я был так утомлен, что, несмотря на страх и тревогу, сейчас же крепко заснул.

Проснулся я с ощущением, что проспал очень долго. И прежде всего подумал: «Какой удивительный я видел сон! Не проснись я сейчас, меня повесили бы, или утопили, или сожгли, или... Подремлю еще до гудка, а там пойду на оружейный завод и посчитаюсь с Геркулесом».

Но тут загремели ржавые цепи и петли, свет хлынул мне в глаза, и передо мною возник этот мотылек Кларенс! Я разинул рот и чуть не задохнулся от изумления.

– Что! – сказал я. – Ты еще здесь? Сон кончился, а ты остался? Пропади!

Но он, со свойственным ему легкомыслием, только рассмеялся и принялся потешаться над моим печальным положением.

– Ну что же, – сказал я, сдаваясь. – Пусть сон продолжается. Я не тороплюсь.

– Какой сон?

– Как какой? Мне снится, что я нахожусь при дворе короля Артура, которого никогда не было, и что я разговариваю с тобой, хотя ты тоже всего только плод моего воображения...

– Ах, вот как! А то, что тебя завтра сожгут, – это тоже сон? Хо-хо! Ну-ка, что ты мне на это скажешь?

Эти слова заставили меня содрогнуться. Я начал понимать, что сон это или не сон, положение мое крайне серьезно; ибо я по опыту знал, что сны порой бывают ярки, как настоящая жизнь, и быть сожженным, хотя бы и во сне, далеко не шутка, и нужно во что бы то ни стало попытаться всеми правдами и неправдами избежать этого. И я начал умолять пажа:

– Ах, Кларенс, милый мальчик, мой единственный друг... ведь ты мне друг, не правда ли?.. Не покинь меня. Помоги мне бежать отсюда!

– Да ты понимаешь, о чем ты говоришь? Удрать? Да тут во всех проходах стоят воины.

– Верно, верно. Но сколько их, Кларенс? Неужели их много?

– Человек двадцать. На побег нет никакой надежды.

Помолчав, он нерешительно добавил:

– Побег невозможен и по другим причинам, более важным.

– По другим причинам? По каким же?

– Говорят... Нет, я не смею!.. Не смею!..

– Мой бедный мальчик, в чем дело? Отчего ты побледнел? Отчего ты так дрожишь?

– Ох, как мне не дрожать! Я бы все рассказал тебе, но...

– Полно, полно, будь отважен, будь мужчиной! Расскажи мне все, мой славный мальчик!

Он колебался между желанием рассказать и страхом; затем он подкрался к двери, выглянул, прислушался, наконец подошел «о мне вплотную, нагнулся к самому моему уху и сообщил мне ужасную тайну; он ежился от страха, словно говорил о вещах, одно упоминание о которых грозит смертью.

– Мерлин, полный злобы, оплел чарами эту темницу, и теперь во всем королевстве не найти столь отчаянного человека, который согласился бы перешагнуть ее порог вместе с тобою! Ну вот, я все тебе сказал, и да спасет меня господь! Ах, будь добр ко мне, будь милосерд к несчастному мальчику, который пожелал тебе блага; ибо, если ты выдашь меня, я пропал!

Давно уже я так от души не смеялся. Я закричал:

– Мерлин оплел чарами темницу! Мерлин, вот оно что! Этот дешевый старый обманщик, этот болтливый старый осел! Вздор, чистейший вздор, глупейший вздор на свете! По-моему, из всех ребяческих, идиотских, дурацких и трусливых суеверий это самое... Да ну его к черту, этого Мерлина!

Не успел я кончить, как Кларенс уже стоял передо мной на коленях; он, казалось, обезумел от страха.

– О, берегись! Твои слова ужасны! Если ты будешь так говорить, эти стены могут обрушиться и задавить нас. О, отрекись от своих слов, пока еще не поздно!

Этот странный испуг навел меня на размышления и внушил мне хорошую мысль. Если здесь все столь же честно и добросовестно, как Кларенс, верят в жульнические проделки Мерлина и так его боятся, так почему бы умному человеку вроде меня не воспользоваться своими преимуществами? Я стал размышлять и выработал план действий. Затем сказал:

– Встань. Возьми себя в руки. Посмотри мне в глаза. Ты знаешь, отчего я смеюсь?

– Нет, не знаю, но, ради пресвятой богородицы, не смейся больше.

– Я скажу тебе, отчего я смеюсь. Оттого, что я сам чародей!

– Ты?!

Пораженный мальчик отпрянул от меня и затаил дыхание – этого он не ожидал! Он сразу же проникся ко мне необычайным уважением. Я это заметил; по-видимому, в этом сумасшедшем доме от обманщика не требуют никаких доказательств, все готовы и без доказательств поверить ему на слово. Я продолжал:

– Я знаю Мерлина уже семьсот лет. Он...

– Семьсот...

– Не перебивай меня. Он тринадцать раз умирал и тринадцать раз воскресал под новыми псевдонимами: Смит, Джонс, Робинсон, Джексон, Питерс, Хаскинс, Мерлин – каждый раз у него новый псевдоним. Триста лет тому назад я встречался с ним в Египте; я встречался с ним в Индии пятьсот лет назад; всюду он становился мне поперек дороги, и это мне в конце концов надоело. Колдун он ерундовый: знает несколько старых трюков, никогда не шел он дальше самого начала – и никогда не пойдет. В провинции он еще может сойти – «только один раз, проездом»... Но выдавать себя за знатока, да еще в присутствии настоящего мастера, – это уже нахальство. Слушай, Кларенс, я всегда буду твоим другом, и ты тоже должен поступать со мной по-дружески. Сделай мне одолжение. Скажи королю, что я сам чародей, великий Эйт-Ты-Плюхны-В-Грязь, вождь всех чародеев, и втихомолку подготавливаю для них такое бедствие, что от них перья полетят, – пусть только посмеют послушаться сэра Кэя. Ты согласен передать это от меня королю?

Несчастный мальчик находился в таком состоянии, что с трудом отвечал мне. Он был до того напуган, растерян, сбит с толку, что жалко было смотреть на него. Однако он все обещал, а от меня потребовал только клятвы, что я навсегда останусь его другом и никогда не обращу против него свое чародейство. Затем он ушел, держась рукой за стену, словно у него кружилась голова.

Внезапно я сообразил, что поступил очень неосторожно. Успокоившись, мальчик, конечно, удивится тому, что я, такой могущественный чародей, прошу его, ребенка, помочь мне выбраться из темницы; он попробует связать одно с другим, все сопоставит и сразу поймет, что я обманщик.

Целый час я сетовал о своем промахе и ругал себя всякими словами. Но вдруг мне пришло в голову, что эти глупцы не рассуждают, что они никогда не связывают одно с другим, ничего не сопоставляют, что все их разговоры доказывают полную неспособность замечать противоречия. И я успокоился.

Но так уж устроено на свете, что человек, перестав беспокоиться об одном, начинает беспокоиться о другом. Я вдруг сообразил, что сделал еще одну ошибку: послал мальчика к его повелителю с какими-то страшными угрозами; он наговорит, что я, сидя здесь, в уединении, собираюсь наслать на них какую-то беду, – а ведь люди, столь жадно верящие в чудеса, несомненно, столь же жадны и до самих чудес. Что будет, если меня попросят сотворить какое-нибудь чудо? Предположим, меня спросят, какое именно бедствие я готовлю? Да, я сделал ошибку, нужно было сперва придумать это бедствие. Что сделать? Что сказать им, чтобы оття-

нута? Я снова волновался, отчаянно волновался... Шаги! Идут. На размышление у меня только одна минута... Готово! Придумал. Все в порядке.

Меня спасет затмение. Я внезапно вспомнил, как не то Колумб, не то Кортес,¹⁸ не то кто-то другой в этом роде, находясь среди дикарей, воспользовался затмением как лучшим козырем для своего спасения, и в душе моей проснулась надежда. Этот козырь выручит и меня: я могу воспользоваться им, не боясь упрека в подражании, потому что я применю его почти на тысячу лет раньше, чем они.

Вошел Кларенс, покорный, подавленный, и сказал:

– Я поспешил передать твои слова нашему повелителю королю, и он тотчас же вызвал меня к себе. Он до смерти перепугался и хотел уже отдать приказ немедленно тебя освободить, нарядить в роскошные одеяния и поселить с подобающими тебе удобствами; но тут вошел Мерлин и испортил все; он стал убеждать короля, что ты безумец и сам не понимаешь того, что говоришь; он заявил, что твоя угроза – глупость и пустая похвальба. Они долго спорили, но в конце концов Мерлин насмешливо сказал: «Почему он не назвал того бедствия, которое он нам готовит? Потому, что он не может его назвать». Этим он заткнул рот королю, и король ничего не мог ему возразить; но, поневоле вынужденный поступить с тобой неучтиво, он умоляет тебя войти в его положение и назвать бедствие, которым ты угрожаешь, – что это за бедствие и когда оно произойдет? О, прошу тебя, не медли; всякое промедление удвоит и утроит опасности, собравшиеся над твоей головой. О, будь благоразумен, назови то бедствие, которое ты собираешься нам ниспослать.

Я долго молчал, чтобы ответ мой прозвучал внушительно, и затем проговорил:

– Сколько времени я сижу в этой яме?

– Тебя бросили сюда вчера под вечер. Сейчас девять часов утра.

– Ага! Значит, я прекрасно выспался. Сейчас девять часов утра! А тут темно, как в полночь. Итак, сегодня двадцатое?

– Да, двадцатое.

– А завтра меня сожгут живьем?

Мальчик содрогнулся.

– В котором часу?

– Ровно в полдень.

– Ну ладно, я тебе скажу, что передать королю.

Я умолк и целую минуту простоял перед мальчиком в зловещем молчании, затем заговорил глубоким, размеренным, роковым голосом – и голос мой постепенно нарастал и нарастал, пока не стал громовым; и я торжественно и величаво провозгласил свою волю, – никогда в жизни я не говорил с таким благородным подъемом:

– Ступай к королю и скажи ему, что завтра в полдень я покрою весь мир мертвой тьмой полночи; я потушу солнце, и оно никогда уже больше не будет сиять; земные плоды погибнут от недостатка света и тепла, и люди на земле, все, до последнего человека, умрут с голода!

Я сам вынес мальчика за порог, так как от страха он потерял сознание. Я передал его солдатам и вернулся в камеру.

¹⁸ *Кортес* Фернандо (1485–1547) – испанский дворянин конкистадор (то есть предводитель добровольного военного отряда), завоеватель Мексики. В ходе завоевания испанцы закрепощали и истребляли туземное население – индейцев ацтеков.

Глава VI

Затмение

В тишине и мраке воображение мое заработало. Само по себе знание факта бледно; но когда вы начинаете представлять себе этот факт, он обретает яркие краски. Совсем разные вещи: услышать о том, что человека пырнули ножом в сердце, и самому увидеть это. В тишине и мраке сознание того, что я нахожусь в смертельной опасности, становилось все глубже и глубже; понимание этой опасности вершок за вершком проникало в мои жилы и леденило в них кровь.

Но благословенная природа устроила так, что ртуть в термометре человеческой души, упав ниже определенной точки, снова начинает подниматься. Возникает надежда, а вместе с надеждой и бодрость, и человек снова получает способность помогать самому себе, если еще возможно помочь. Я скоро воспрянул духом; я сказал себе, что затмение неизбежно спасет меня и сделает меня самым могущественным человеком во всем королевстве; и ртуть в моем термометре сразу же прыгнула кверху, и все мои тревоги рассеялись. Я стал счастливейшим человеком на свете. Теперь я даже с нетерпением ждал завтрашнего дня, я жаждал насладиться своим великим торжеством, насладиться удивлением и благоговением всего народа. Кроме того, я сознавал, что с чисто деловой точки зрения это принесет мне немало выгод.

Тем временем в глубине моей души возникла новая догадка. Я почти уверился, что, когда этим суеверным людям сообщат, каким бедствием я им угрожаю, они испугаются и пойдут на компромисс. И, услышав приближающиеся шаги, я сказал себе: «Вот он, компромисс. Ну что ж, если он будет выгоден, я соглашусь на него; если же он будет невыгоден, я настою на своем и доведу игру до конца».

Дверь распахнулась, и в темницу вошли воины. Их предводитель сказал:

– Костер готов. Идем!

Костер?! Силы покинули меня, и я чуть не упал. В такие минуты трудно совладать с дыханием: спазмы сжимают горло. Однако, едва я настолько овладел собой, что мог говорить, я сказал:

– Это ошибка, казнь назначена на завтра.

– Приказ изменен: казнь перенесена на сегодня. Торопись!

Я погиб. Ничто мне уже не поможет. Я был ошеломлен, растерян; я потерял власть над собой; я метался из угла в угол, как помешанный; солдаты схватили меня, вытащили из камеры, поволокли по длинным подземным коридорам и вытолкнули наверх, на яркий дневной свет. Очутившись на просторном огороженном дворе замка, я вздрогнул, ибо прежде всего я увидел столб, торчавший посреди двора, а возле него кучу хвороста и монаха. Со всех четырех сторон двора высились ярусами скамьи, на которых ряд за рядом сидели зрители, сверкая пестротой одежд. Король и королева восседали на своих тронах – их сразу можно было узнать в толпе.

Все это я разглядел в первое же мгновение. А во второе мгновение возле меня очутился, вынырнув откуда-то, Кларенс и, смотря на меня блестящими торжеством и счастьем глазами, зашептал мне на ухо:

– Это я их заставил перенести казнь на сегодня! Ну и пришлось же мне поработать! Едва я сообщил им, какое бедствие ты готовишь, и увидел, как они струсили, я понял, что удар нужно нанести немедленно. И я сразу же стал шептать одному, и другому, и третьему, что твоя власть над солнцем достигнет своей полной силы только завтра и что, если хотят спасти солнце и вселенную, тебя нужно убить сегодня, пока твои чары еще не успели созреть. Клянусь честью, все это только ложь, случайная выдумка, но, замученные страхом, они так ухватились за эту выдумку, словно само небо ниспослало ее, чтобы спасти их; я сначала посмеивался про себя, а потом возблагодарил господина за то, что он сделал ничтожнейшее из своих созда-

ний орудием твоего спасения. Ах, как счастливо все сложилось! Тебе незачем гасить солнце навсегда – смотри, не забудь об этом! Заклинаю тебя, напусти немножко темноты, самую малость – а потом дай ему сиять по-прежнему. Этого будет вполне достаточно. Они увидят, что я их обманул – невольно, конечно, – и, чуть начнет темнеть, сойдут с ума от страха; они освободят тебя и возвеличат! Ступай же навстречу своему торжеству! Но помни... ах, милый друг, не забудь моей просьбы и не причиняй вреда благословенному солнцу! Ради меня, твоего вернейшего друга!

Угнетенный своим горем, я невнятно пообещал пощадить солнце, и в глазах мальчика заблестела такая глубокая и влюбленная благодарность, что у меня не хватило духу выругать его за добросердечную глупость, которая погубила меня и обрекла на смерть.

Когда солдаты вели меня через двор, стояла такая тишина, что, будь у меня завязаны глаза, я мог бы вообразить, будто вокруг меня безмолвная пустыня, а не толпа в четыре тысячи человек. Все это огромное скопление народа было неподвижно; люди с побледневшими лицами застыли, как каменные изваяния; в глазах у них был ужас. Это безмолвие длилось, пока меня приковывали цепями к столбу; оно длилось, пока обкладывали хворостом мои щиколотки, мои колени, мои бедра, мое туловище. И оно стало еще глубже, это молчание, когда к ногам моим склонился человек с пылающим факелом в руке; толпа, вглядываясь, потянулась вперед; все невольно привстали со своих скамеек; монах простер руки над моей головой, воздел глаза к голубому небу и что-то забормотал по-латыни; он бормотал довольно долго и вдруг умолк. Я прождал несколько мгновений, затем взглянул на него; монах окаменел. Вся толпа, охваченная одним порывом, поднялась на ноги и смотрела в небо. Я тоже глянул в небо: черт возьми, затмение начинается! Я воспрянул духом, я ожил! Черный ободок все глубже входил в диск солнца, и мое сердце билось сильнее и сильнее; толпа и священнослужитель, застыв, не сводили глаз с неба. Я знал, что сейчас все они глянут на меня. И когда они на меня глянули, я был готов. Я придал своей осанке величавость и устремил руку к солнцу. Эффект получился потрясающий! Дрожь волной пробежала по всей толпе. И тут прозвучали два голоса, один сразу после другого:

– Зажигай!

– Зажигать запрещаю!

Первый голос был Мерлина, второй – голос короля. Мерлин вскочил со своего места – вероятно, он хотел сам зажечь костер. Я сказал:

– Не двигайтесь! Того, кто двинется без моего разрешения, будь он сам король, я поражу громом и испепелю молниями!

Как я и ожидал, вся толпа покорно опустилась на скамьи. Один только Мерлин несколько мгновений колебался; я с трепетом следил за ним. Но наконец сел и он, и я облегченно вздохнул – теперь я был господином положения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.